

Тёплые связи бытия

ФРАГМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ
(заметки читателя о книге Э.И. Колчинского
«Так вспоминается...» — СПб.: Нестор-История, 2014. — 572 с.)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: Автор статьи размышляет о книге Э.И. Колчинского «Так вспоминается...», фрагменты которой публикует журнал «Политическая концептология».

Ключевые слова: мемуары, проблема поколений, история советской науки.

Воспоминания Эдуарда Израилевича Колчинского я прочёл ещё в рукописи. Отобрал из них часть для публикации в журнале [См.: Колчинский 2014а]. Затем проштудировал бумажный вариант книги [Колчинский 2014б]. Отметил особенно интересные и продуктивные, на мой взгляд, идеи. Зарядил все это в компьютер. Если судить по объёму моего конспекта книги, возникла основа для длинного разговора с автором.

Мы с автором — ровесники, оба родились в 1944 году. Жизнь сложилась так, что наш жизненный, мировоззренческий и научный опыт во многом совпадает. Мы принадлежим к одному поколению. Борис Слуцкий в 1970 г. (если не ошибаюсь) предложил назвать наше поколение «последним поколением войны» по своим критериям:

Выходит на сцену последнее из поколений войны —
 зачатые второпях и доношенные в отчаянии,
 Незнамовы и Непомнящие, невесть чьи сыны,
 Безродные и Беспрозрачные, Непрошенные и Случайные.
 Их одинокие матери, их матери-одиночки
 сполна оплатили свои счастливые ночи,
 недополучили счастья, переполучили беду,
 а нынче их взрослые дети уже у всех на виду.
 Выходят на сцену не те, кто стрелял и гранаты бросал,
 не те, кого в школах изгрызла бескормица гробовая,
 а те, кто в ожесточении пустые груди сосал,
 молекулы молока оттуда не добывая.
 Войны у них в памяти нету, война у них только в крови,
 в глубинах гемоглобинных, в составе костей нетвёрдых.
 Их вытолкнули на свет божий, скомандовали: «Живи!» —
 в сорок втором, в сорок третьем и даже в сорок четвёртом.

Они собираются ныне дополучить сполна
все то, что им при рождении недодала война.
Они ничего не помнят, но чувствуют недодачу.
Они ничего не знают, но чувствуют недобор.
Поэтому все им нужно: знание, правда, удача.
Поэтому жесток и краток отрывистый разговор.

Б. Слуцкий — известный поэт-фронтовик. В Интернете есть схема сочинения по теме его стиха о нашем поколении¹. Э.И. Колчинский предлагает иной ход мысли.

Прежде всего он противопоставляет свои воспоминания милитаризации памяти. Примером ему служит школьный преподаватель рисования и черчения Владимир Иванович, по кличке Мономах. Он ушёл на войну сразу после школы в 1941 г. На своем участке фронта первым подорвал танк связкой гранат. «Пройдя всю войну от звонка от звонка и не получив должной награды, он философски относился к жизни, учил тех, кто хотел научиться и не принуждал остальных. Надо сказать, мы его все очень уважали и на уроках самые отчаянные хулиганы вели себя тихо. Нам он никогда не рассказывал о войне. Вообще те, кто был на передовой, о войне не любили рассказывать. Военные воспоминания это удел штабных крыс, жертвовавших главных образом чужими жизнями» [Колчинский 2014b: 102] — выносит вердикт профессор Колчинский.

Этот вердикт совпадает с описанием войны в воспоминаниях фронтовика-ленинградца Н.Н. Никулина, которые провёл жёсткое различие между теми, кто находился на переднем крае, и тыловиками: «Тыловики останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов. Отрастят животы, обзаведутся лысынами, украсят грудь памятными медалями, орденами и будут рассказывать, как героически они воевали, как разгромили Гитлера. И сами в это уверуют! Они-то и похоронят светлую память о тех, кто погиб и кто действительно воевал! Они представят войну, о которой сами мало что знают, в романтическом ореоле... И то, что война — ужас, смерть, голод, подлость, подлость и подлость, отойдёт на второй план... Но самую подлую роль сыграют газетчики. На войне они делали свой капитал на трупах, питались падалью. Сидели в тылу, ни за что не отвечали и писали свои статьи — лозунги с розовой водичкой. А после войны стали выпускать книги, в которых все передёргивали, все оправдывали, совершенно забыв подлость, мерзость и головотяпство, составлявшие основу фронтовой жизни» [Никулин 2014: 186–188]. Возможно ли воскресить забытое? — такова реальная проблема.

Не менее критически Э.И. Колчинский настроен в отношении поэтов и писателей. Расхожий штамп гласит: «Поэт в России больше, чем поэт». «К сожалению, это так, — улыбается коллега. — Начиная с классиков, он раб, холуй, доносчик и стукач... Слушая нравоучения по телевидению того или иного претендента на хранителя лучших традиций российской интеллигенции и зная его поведение в советский период, не раз задавался вопросом: „А должна ли быть совесть у совести народной?“, так как не хотелось бы думать, что каков народ, такова и его совесть. А вот многие представители российской творческой интеллигенции как верующие, так и неверующие не раз демонстрировали вдохновенно, что подобная химера им неведома» [Никулин 2014: 106]. Напомню забывчивым, что химерой называл совесть Й. Геббельс.

Э.И. Колчинский не относится к незнакомым, непомнящим, безродным и непрошеным, как считал политкомиссар Борис Слуцкий. Даже поколение бабушек и дедушек, а порой и прапрадедушек, с обеих сторон мой ровесник описал детально. Ещё более подробен рассказ о поколении отца и мамы, их братьев и сестёр, т. е. тётей и дядей автора. Это повест-

¹ См.: <http://opusmaster.ru/composition.php?nazvanie=Pokolenie-roghdennoe-v-gody-voyny-Analiz-stihotvoreniya-Poslednee-pokolenie-BSluckogo>. Проверено 25.08.2015

вание заканчивается общей характеристикой поколения отцов и матерей: «Сейчас принято подсмеиваться над этим поколением, считая его оболваненным советской пропагандой и потративших жизнь ради достижений несбывшихся ценностей. Я с этим не согласен. Во-первых, созданное их трудом было и остаётся фундаментом современного общества, который нынешнее поколение имеет шанс окончательно разрушить, так как в основном проедает то, что они накопили. Во-вторых, они не были наивны и простодушны, хорошо понимали происходящее вокруг, которое отнюдь не идеализировали. Помнили убиенных властями родных и близких. Но они не забывали, как их родители жили до революции. Это сейчас всем вешают на уши лапшу о процветавшей царской России. Они же знали, что СССР — это их страна и что советская власть дала им возможность вырваться из идиотизма деревенской жизни, получить образование, стать инженерами. И поэтому они любили страну, а строю были верны, надеясь, что со временем все наладится. С уходом этого поколения с авансены советская власть была обречена» [Никулин 2014: 69].

Российскую и советскую историю принято писать по именам царей, императоров, генсеков и президентов. Если же судить по статистике возрастного состава населения России, то примерно три четверти её нынешних жителей родились в СССР, а четверть уже тогда, когда Советский Союз приказал долго жить. Поэтому отношение к советскому прошлому продолжает разделять группы населения на уровне индивидуальной, групповой, социальной, политической, идеологической, культурной и поколенческой идентификации. В любом случае писать социальную историю постсоветской «сверхдержавки» (по выражению В.Л. Иноземцева) невозможно без учёта этого факта. Из этого вытекает идея множества историй, а не «фальсификации истории», как считает нынешняя идеологическая обслуга власти.

Одновременно отношение к советскому прошлому *ограничивает* горизонт пространственно-временного воображения абсолютного большинства людей до того клочка земли и момента исторического времени, в котором они случайно возникли и бесследно исчезнут. Не мешает напомнить, что в начале XX века на земле существовало около 60 государств, а в конце их было уже около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ» (так определял государство Ф. Ницше) увеличилось в четыре раза. Каждое из них предлагает свою собственную оптику восприятия мира, считая её «лучшей из возможных». За эти же сто лет произошло две мировых и множество локальных войн, сотни революций. Является ли нормой такой рост политических машин? Если да, то следует признать, что за сто лет горизонт нашего политического воображения сузился в четыре раза. Если нет, то тогда сегодня каждое государство может только претендовать только на 1/240 нашего внимания. Особенно та «сверхдержавка» (термин В.Л. Иноземцева), к которой мы принадлежим по случайности рождения, о согласии на которое нас никто ведь не спрашивал. Не говоря уже о приглашении участвовать в нашем хуторском варианте всемирно-исторической «войны мышей с лягушками»...

Эти факты, тенденции и выводы уже воплотились в современном космополитическом мировоззрении, которое включает анализ множества нерешенных проблем, стоящих перед каждым государством [Бек 2008]. Но осознание этих проблем блокируется множеством интеллектуально-политических мод, изобретённых для обслуживания потребностей военно-политического комплекса.

В том числе нынешней модой знать свои корни. После 70-ти лет советской власти вдруг оказалось, что почти у всех в предках числятся князья, графы, дворяне, купцы или хотя бы хахали цариц и императриц. Например, подруга юности автора сообщила ему, что в её родословной состоит фаворит Екатерины II. «Дама пыталась таким образом найти в прошлом некие мифические основания для повышения своей самоидентификации и обоснования жизненного кредо» [Колчинский 2014b: 17].

Эти мифы укрепляют российский «бизнес». В 1990-х гг. за \$1000–1500 можно было выправить любой документ о высоком происхождении — от Рюрика или Чингиз-хана, со ссылками на записи в церковно-приходских книгах и выписками из архивных документов, якобы сохранившихся с тех времён.

Э.И. Колчинский отреагировал на моду более десяти лет назад. На 60-летнем юбилее он сделал доклад о собственной родословной². По геометрической прогрессии он дошёл ретроспективно до 30-го поколения предков, когда их число перевалило за миллиард. Время этого поколения совпало с созданием Чингиз-ханом империи от Тихого океана до Карпатских гор. На фоне этой интеллектуальной конструкции автор высмеивает моду российских президентов на политический жаргон.

Мол, предок руководителей СССР и Российской Федерации Чингис-хан уже 800 лет назад обеспокоился ростом сепаратистских движений на огромной евроазиатской территории. Для укрепления вертикали власти он провёл антитеррористические операции в ряде областей Центральной Азии, восстановил величие империи. 15 лет спустя лет его внук хан Батый оказал братскую помощь дружеским славянским государствам, которые страдали от коррупции и клановых разборок местных олигархов. Для этого он ввёл ограниченный контингент войск на территорию восточноевропейских княжеств и установил мир, покой и единую налоговую систему империи. Таков идеал мироустройства нынешних лидеров России, которым якобы непонятно, почему этот идеал не принят мировым сообществом. Между тем для его осуществления надо иметь первоклассную армию, каковыми были орды монголов, а не вооружённые силы, проигравшие за последние полвека все конфликты, в которых они прямо или косвенно участвовали: семидневная война 1967 г., война в Ливане 1982 г., Ангола, Афганистан, Чечня и т. д. Не подведена ещё черта и под военные действия в Грузии и на юго-востоке Украины.

Стало быть, книгу Э.И. Колчинского можно использовать при создании библиотеки по опровержению целой системы современных мифов. Убедительность книги в том, что он излагает свою биографию не просто как разновидность семейных альбомов (хотя они тоже есть в книге), а как систематизированный набор множества социальных фактов (в смысле Э. Дюркгейма) в переплетении с системой конкретных исторических, социокультурных, политических и мировоззренческих проблем, ни одну из которых невозможно решить «целиком и полностью».

Вернусь к проблеме поколений. Вместо метафор Бориса Слуцкого я предлагаю использовать общие социологические характеристики поколений (хотя бы Карла Мангейма), их советскую конкретизацию (в работе М. Чудаковой) [Чудакова 1998], а затем вдуматься в три факта, которые приводит петербургский коллега.

Первый факт связан с советской модификацией российской проблемы отцов и детей. Накануне 1 мая 1976 г. Э.И. Колчинский оказался в Челябинске. К тому времени полки магазинов уже опустели. Трудно было что-то купить к празднику. Его отец раньше всегда отказывался закупать продукты с заднего хода. А тут сын приехал погостить. Отец предложил сходить с ним вместе за продуктовыми наборами к празднику. Их раздавали в столовой, вход в которую был со двора Управления Южно-Уральской дороги. «Когда мы с отцом вошли, — пишет Э.И. Колчинский, — там стояла громадная очередь начальников служб (локомотивной, вагонной, путевой, связи и сигнализации, и т. д.). Каждый из них управлял предприятиями, разбросанными на громадной территории, примерно 1 500 км. с запада на восток и 600 км. с севера на юг и организовывали работу десятков тысяч железнодорожников. В их петлицах

² Здесь выскажу попутную гипотезу. Видимо, доклад стал толчком для систематизации материала книги. В обоснование гипотезы могу привести только глухие намёки, которые изредка делал Э.И. Колчинский во время наших немногих встреч.

были одна или две большие звезды. Вызывали по списку, по нему же выдавали дефицитные продукты. Отцу полагалось 2 кг. мяса, палка колбасы полутвёрдого копчения, банка красной икры, банка шпрот, полкилограмма шоколадных конфет и ещё что-то. Все поместилось в не очень большой сумке. На обратном пути отец сказал: «Запомни, Эдик, что в условиях победившего социализма и на 60-м году советской власти генералы производства имеют право с заднего входа зайти в столовую и купить к праздничному столу два кг. мяса». Невозможно передать сквозившее в голосе чувство презрения и ненависти к властям, заставлявших крупных организаторов производства испытывать подобные унижения» [Колчинский 2014b: 41].

Второй факт: родословная и семейная история профессора Э.И. Колчинского типична в смысле разбросанности членов рода по всей территории СССР и смешанности разных кровей. «У всех у них был разный жизненный путь и разные судьбы, — пишет он, — но что-то связывало общее, позволявшее сразу почувствовать родственную душу. Думаю, что новая историческая общность не совсем фикция. Во всяком случае, в рамках её люди были человеческие. А в трех поколениях моих родственников в полной мере отразилась трагическая история нашей страны в XX веке и представлены все социальные слои и все профессии. В этом я воочию убедился, насчитав в списках жертв политических репрессий 11 Ивашинниковых, осуждённых и реабилитированных полвека спустя. Они никогда политикой не занимались, были простыми малограмотными людьми: крестьянами, кочегарами, рыбаками, мотористами, домохозяйками. Несомненно, все они мои родственники, так как все с Дальнего Востока, в основном из Уссурийска» [Колчинский 2014b: 89].

Третий факт связан с сотрудничеством автора с крупным немецким историком, директором Института истории Восточной Европы Тюбингенского университета Дитрихом Байрау в рамках немецко-русского проекта «Образованные слои при тоталитарных режимах». «С самого начала, — пишет Э.И. Колчинский, — у меня с Байрау установились товарищеские отношения. Мы были с ним близки по возрасту, и хотя жили в разных странах, но имели единое ощущение прошедшей эпохи и одинаково воспринимали современность. В юности у нас были одни и те же фильмы, писатели, мы помнили политических лидеров нашего времени, идиотизм идеологий холодной войны, разделивших человечество на два непримиримых лагеря. Но самое главное, мы действительно не забывали, что недавно была большая война, которая принесла несчастье сотням миллионов людей. И на нашем уровне надо делать все, чтобы топор войны между нашими странами был зарыт навсегда. В дальнейшем, общаясь с учёными разных стран, я не раз убеждался, что легче найти общий язык со сверстником из Японии, Китая, США, Германии, Англии, чем с соотечественником младше меня на 10–15 лет. Это можно было бы назвать эффектом поколения» [Колчинский 2014b: 360].

Эти факты ввергают в задумчивость. Ещё не нашёлся современный Тургенев, который бы систематизировал все моральные коллизии, возникавшие не только между, но и внутри поколений советских людей. Но не по типу Базарова, а по поводу удовлетворения потребностей в пище, одежде и прочих предметах первой необходимости. Неясно также, в каких социальных и политических единицах измерять чувства отчуждения, презрения и ненависти к власти. Ведь такое чувство культивировалось не только отцом автора, но и большинством тружеников — родителей нашего с автором поколения. Сводный список всех жертв политических репрессий всех семей всех постсоветских государств пока не существует. В какой всемирный трибунал его можно будет отправить? — тоже непонятно. Только в рамках одного рода Ивашинниковых, основавших село Никольское — ныне город Уссурийск, оказывается одиннадцать человек, репрессированных ни за что. А ведь были ещё расстрелянные дядя М.Я. Колчинский и красный партизан дед П.Ф. Бойко, умерший от голода прадед А.А. Ивашинников из-за того, что во время раскулачивания на Дальнем Востоке сослали на север 9 воспитанных им сыновей и дочерей, десятки погибших в Голодомор в России и на Украине,

убитые и раненные во время Великой Отечественной войны. Любая организованная преступность здесь не может сравниться с советским государством. Поэтому моральная деградация общества стала социальным фактом, а российский бизнес двинулся по силовому пути, инициированному властью [Нравственность... 2012; Волков 2005]. Факт взаимопонимания между ровесниками разных стран позволяет рассматривать эти феномены как универсальные.

Теперь о нашем поколении. Профессор Колчинский описывает его как множество определённых норм и идеалов поведения: оценка друг друга с точки зрения личных достоинств и индивидуальных способностей, а не происхождения, богатства, конкуренции; сопротивление стандартам советского ученика и комсомольца; приоритет дружбы над официальным коллективизмом, завистью и социальной дифференциацией; уважение к способным, предприимчивым, смелым, независимым и сильным; презрение к подхалимам, зубрилам, доносчикам, чекистам и прочим «бдительным гражданам»; чтение с утра до вечера классической литературы, а не детективов и книг про «войнушку» [Колчинский 2014b: 111].

О серьёзном отношении автора к выбору перечисленных ценностей свидетельствует множество фактов в книге в контексте размышлений: для чего ты жил [Колчинский 2014b: 455]? Ценности жизни и смерти ведь были и остаются главными.

Советский фон этих ценностей помогает осознать ещё один факт. В начале 1950-х гг. на месте бывшего кладбища в центре Челябинска стали копать фундаменты под каменные дома. Э.И. Колчинский с друзьями бегал смотреть, как экскаваторами разрывают могилы, а полуистлевшие гробы и кости грузятся в самосвалы. «Вечерами мы пробирались на площадку и собирали разбросанные части скелетов, особенно ценились черепа, но не брезговали другими остатками. Этими трофеями мы потом хвастались друг перед другом. Сейчас трудно поверить, что это могло происходить в цивилизованном государстве, но таков был дух времени, не ценившего самих людей, а тем более их бранные остатки. Не удивительно, что и у моих сверстников это варварство не то, что забыто, но большинством вспоминается с трудом. Им не хочется вспоминать, что их дома стоят на костях и они сами были причастны к святотатству» [Колчинский 2014b: 29]. На этих костях стоял и дом, в который переехала семья Колчинского в 1956 г.

Не следует ли считать этот факт символом взаимосвязи современной России с СССР? Как происходит пляска на костях? Почему она до сих пор популярна? Кто заказывает музыку, пляшет и аккомпанирует? Я писать мемуары не собираюсь. Однако каждый из разделов и параграфов книги накладывается на мой собственный опыт. По каждому у меня есть суждения, сомнения, оценки, размышления, убеждения, замыслы и пока ещё смутные идеи. Не помню, кому принадлежат строки:

Все вынесу и все переживу,
Муть, как в стакане, тихо отстоится.
Отчётливо тогда я назову,
То смутное, что на душе таится...

По сути дела, внутренний мир человека и сводится к постепенному освобождению от смуты. Но полностью от неё освободиться невозможно, если только «лампочка продолжает гореть в груди» (как говорил мой покойный друг). В противном случае человек превращается в живого мертвеца или трамвай, ходящий по одним и тем же рельсам.

Книга ввергла меня в смуту. Высокопарно она называется «творческим состоянием». Но вместе с автором я не люблю высоких слов. Речь просто идёт о множестве тем устной, телефонной, компьютерной, мысленной беседы и переписки с автором. Они могут стать толчком для создания лекций, докладов, статей и другой научной и ненаучной продукции. Трудно вер-

бализовать всю эту «внутреннюю речь» (в соответствии с теорией Л. Выготского), но придётся...

Приглашаю коллег в этом убедиться — познакомиться с ещё одним фрагментом книги Э.И. Колчинского, существенно дополненного им с целью придания ему целостности и завершенности.

Бек У. 2008. *Космополитическое мировоззрение*. — М.: Центр исследований постиндустриального общества.

Волков В.В. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. — 351 с.

Колчинский Э.И. 2014а. Так вспоминается или Ещё одно лжесвидетельство (главы из книги). — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1. Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/13.pdf>. — Проверено: 18.08.2015.

Колчинский Э.И. 2014б. *Так вспоминается...* — СПб.: Нестор-История.

Никулин Н.Н. 2014. *Воспоминания о войне*. — М.: АСТ.

Нравственность... 2012. *Нравственность современного российского общества: психологический анализ* / Отв.ред. А.А. Журнавлен, А.В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Чудакова М. 1998. Заметки о поколениях в советской России — Новое литературное обозрение. — № 30.